

ОТЗЫВ

члена Диссертационного совета Котина Игоря Юрьевича на диссертацию Моисеевой А.В. на тему «Образы коранических пророков в персидской литературе X-XVII вв.: идейно-смысловые и художественные функции», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.2. Литературы народов мира

Диссертация Моисеевой А.В. «Образы коранических пророков в персидской литературе X-XVII вв.: идейно-смысловые и художественные функции» посвящена чрезвычайно актуальной теме - идейно-смысловым и художественным функциям образов коранических пророков в персидской литературе X-XVII вв.

В центре исследования А.В.Моисеевой – один из важных аспектов художественной картины мира средневекового Ирана, получивший отражение в персоязычной литературе, а именно – образы коранических пророков.

В главе 1 «Культурный контекст и роль коранических образов» диссертантом рассмотрены: художественная картина мира в классической поэзии Ирана, тайный язык суфийской поэзии, литературные жанры и формы в средневековом Иране, система украшения художественной речи, Коран как источник образов в персидской литературе, мотив и образ в классической персидской поэзии. Диссертант отмечает наличие стандартных пророческих списков, упоминание пророков парами по сходству имен, которые иногда удавалось рифмовать. Говоря о термине «художественная картина мира», предложенном Б.С.Мейлахом, отметим, что еще в 1914 г. немецкий ученый Генрих Герц предложил термин «картина мира», под которым он понимал «совокупность внутренних образов внешних предметов». В целом же обращение к анализу художественной картины мира в классической поэзии Ирана более чем уместно. Когда на с. 24 диссертант говорит о таком определении совершенства поэзии как «красочность» («рангин»), возможно, стоит сказать о влиянии индийских образов и метафор на персидскую поэзию, один из этапов развития которой в одной из принятых систем периодизации ее развития, а также стиль поэзии, даже известен как «индийский» (см. работу Н.И.Пригариной (1999)). С выводом из сказанного в первой главе можно согласиться, хотя, возможно, он и слишком краток (это касается и выводов по другим главам). В квалификационной работе можно было бы повторить соображения, высказанные в главе, в двух-трехстраничном параграфе.

Глава 2 озаглавлена «Образ пророка как объект сравнения (на примере пророка Сулаймана)» и содержит анализ следующих тем и образов: Сулайман и муравьи; Перстень Сулаймана; Сулайман и дивы; Сулайман и ветер; Язык птиц; Сулайман и Билкис (Царица Савская); Сулайман и Асаф. Материал раскрыт подробно и убедительно. По нашему мнению, темы «Сулайман и муравьи» и «Язык птиц» перекликаются. Там и там речь идет о способности Сулаймана понимать язык всех животных и птиц. Понятно, что в рассказе о муравьях акцент сделан на противопоставлении большого и малого, сильного и ничтожного, но все же перекличку тем можно было подчеркнуть.

В Главе 3 «Образы пророков и способы их взаимодействия в персидской классической поэзии» рассмотрены списки пророков в персидской поэзии, «парные» образы пророков (Муса и 'Иса, Йунус и Йусуф; Йа'куб и Аййуб). Это одна из наиболее значительных по объему и интересных глав, содержащая авторские переводы многих текстов. Примечателен отмеченный диссертантом параллелизм образов Йунуса и Йусуфа. Йусуф, о котором разговор впереди, и Йунус – до некоторой степени – пророки-«миссионеры». Йунус (Иона), посланный в Ниневию, сперва испугался жестокости своей миссии, попытался от нее отказаться, но был принужден, испытав заточение в брюхе кита, все-таки выполнить свою миссию. Йусуф благополучно обратил в единобожие Зулайху. Говоря об одной из трактовок образа Йунуса у Хакани, диссертант отмечает астрологический аспект этого сюжета. На с. 97-98 она пишет: «Образы рыбы, проглотившей Йунуса, и колодца, в котором был заточен Йусуф, в творчестве Хакани становятся астрологическими метафорами. Поэт использует игру слов: далв – ведро, которое опускают в колодец, – обозначает также созвездие Водолея, а слово хут не только переводится как «кит», но и является названием зодиакального знака Рыбы. Нахождение солнца в этих двух знаках приходится на два последние зимние месяца иранского года – бахман и эсфанд. После эсфанда наступает первый весенний месяц фарвардин, в котором празднуется Ноуруз. Таким образом, Йунус, выбравшийся из рыбы является указанием на то, что солнце вышло из знака Рыб, т.е. говорит о наступлении весны. Освобождение же Йусуфа из колодца – т.е. переход солнца из Водолея в следующие за ними Рыбы – тоже является радостным событием, так как завершение бахмана означает, что большая часть зимы уже осталась позади, и дело идет к весне». Это очень интересное наблюдение, которое, надеюсь, найдет отражение в новой публикации автора. Кстати, все основные публикации диссертанта – на английском языке. Не стоит ли поделиться и с российскими читателями своими интересными выводами?

Текстологический характер имеет Глава 4 «Анйс ал-мурйдин ва шамс ал-маджалис – малоизвестная версия рассказа о Йусуфе и Зулайхе». Она состоит из параграфов: 4.1. Образы коранических пророков в контексте тематики мистической любви; 4.2. История изучения текста; Петербургский список произведения (С1480); Проблема редакций и деления на главы; 4.5. Структура и содержание текста; 4.6. Анйс ал-мурйдин в контексте других произведений на сюжет о Йусуфе и Зулайхе.

Как специалист по Индии и мусульманским традициям в Южной Азии, рискую отметить, что исследуемый текст был весьма популярен в центрах индийского суфизма. Неслучайно первый из упомянутых диссертантом списков «Анйс ал-мурйдин» (сейчас – в Британской Библиотеке, ранее – в Библиотеке Индия-Офис), происходит из Бурханпура, места суфийского паломничества, одной из ханака братства Чиштия. С XIV в. он является местом паломничества и поклонения могиле суфийского святого Бурханутдина Гариба. В Сирхинде (Панджаб, Индия) местом паломничества является гробница накшбандйского шейха Ахмада Сирхинди. Связи северо-западной Индии с религиозным центром накшбандйа в Бухаре, месте захоронения шейха Мухаммада Бахауддина Накшбанди аль-Бухари (ум. в 1389), были интенсивными. Легенда о Йусуфе и Зулайхе известна в переложениях на панджаби и бенгали. Популярность ее в Индии среди мусульманских миссионеров неудивительна. Ведь, чудесное преобразование Зулайхи связано с тем, что она уничтожила идола, которому поклонялась. Индусы воспринимались мусульманскими миссионерами как идолопоклонники, обращение женщин через брак из индуизма в ислам приветствовалось. Даже сейчас в Пакистане практикуется так называемый «джихад любви» - обращение (порой насильственное) индусских девушек в ислам и их замужество за мусульманами. Отметим, что многие известные тексты «Анйс ал-мурйдин» хранятся в Южной Азии – в библиотеках Лахора, Карачи, Пешавара, Патны. Если хотите, это – настольная книга миссионера. Отсюда и многочисленные дидактические сентенции. Кстати, противопоставление диссертантом суфийского текста дидактическому не совсем верно. М.Л.Рейснер вполне в статье, посвященной сюжету Йусуфа и Зулейки (Зулайхи) («Кораническая история Йусуфа в персидской поэтической классике X-XV вв.»), уверенно оперирует понятием «суфийские назидательные сочинения».

Далее следует заключение к работе. В качестве приложения к работе дается перевод избранных отрывков из «Анйс ал-мурйдин». Список использованной литературы включает источники на персидском языке,

электронные ресурсы, литературу на русском языке, литературу на западноевропейских языках, литературу на персидском языке.

В работе можно отметить определенные недочеты. Не удостоился инициалов упомянутый в работе востоковед Жуковский (с. 7.), вероятно, Валентин Алексеевич Жуковский (1858 - 1918), в то время как имя Е.Э.Бертельса указано с инициалами. Многие понятия, например, Аггада (притчи, легенды, сентенции, проповеди, поэтические гимны философско-теологические рассуждения, связанные с ветхозаветной традицией), не расшифровываются. Отсутствует в диссертации и глоссарий. Мне не совсем ясно из текста диссертации, была ли снабжена изучаемая рукопись «Анйс ал-муридйн» иллюстрациями. Известно, что многие рукописи такого типа были богато иллюстрированы. Это и иллюстрации Камал-ад дина Бехзада к поэме Джамии «Йусуф и Зулайха», и кашмирские иллюстрированные рукописи легенды о Йусуфе, и иллюстрации к житиям пророков Ибрагима Нишапури.

Указанные замечания не имеют принципиального значения для оценки диссертации как хорошей квалификационной работы, заслуживающей искомой степени.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а ее автор заслуживает искомой научной степени.

Член Диссертационного совета

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий отделом Южной и Юго-Западной Азии МАЭ (Кунсткамера) РАН

Дата

17 февраля 2025г. Козин

Подпись руки 17.02.25

Козина И.Ю.

Завещаю

Шванова Е.В.

Зав. канцелярией